

Ракоед Ю.С. (Научный руководитель – д. фил. н. Ибатуллина Г.М.)

Башкирский государственный университет

(Стерлитамакский филиал), Россия

Небесная Дева и Лилит в структуре образа Ларисы Огудаловой в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница»

Архетипический мир пьес А.Н. Островского остается малоизученным в современном литературоведении явлением. Этим определяется актуальность нашей работы, посвященной одному из аспектов данной проблематики: исследованию структуры образа Ларисы Огудаловой, в котором отчетливо обнаруживаются черты архетипов Небесной Девы и Лилит.

Архетип Небесной Девы – это олицетворение высшего духовно-нравственного идеала, воплощение чистоты, целомудрия, добродетели. Лариса Огудалова представлена в пьесе Островского как существо романтическое, утонченное, внутренне непорочное. Она причастна к высшим духовно-бытийным сферам, и именно поэтому обречена на непонимание со стороны других действующих лиц, которые мыслят «земными» реалиями. Лариса сохранила в себе не только изначальную чистоту, но также индивидуальную самобытность и оригинальность, творческое начало, внутреннюю свободу. По сути, в ней обозначен потенциал «божественности»: красота духа и души как воплощение образа и подобия Божьего. При этом она ранима и беззащитна. Вожеватов замечает о Ларисе: «Не глупа, а хитрости нет...» [4, с. 244]; «К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Какая чувствительная!» [4, с. 244].

Подобно первообразу Девы, Лариса молода и живет в ожидании «женского счастья», способного перенести ее в «Рай»: «... меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем» [4, с. 249]. Она ищет настоящей любви, но не находит ее, оказываясь обреченной на одиночество:

«[Любовь] Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не люблю никого» [4, с. 251]; «Я любви искала и не нашла. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова» [4, с. 309].

Как Дева Лариса ищет «тишины, уединения» и бежит от людей, поэтому соглашается на брак с Карандышевым, надеясь найти в этом браке покой и смиренное счастье. Подобное смиренное принятие своей судьбы также можно считать характерной для Девы чертой. Однако в этой ситуации личность Ларисы оказывается расколотой, поскольку она внутренне осознает, что брак с Карандышевым на самом деле приведет не к покою, а к жизненной катастрофе.

Духовное благородство Ларисы, ее загадочная душа остаются не понятыми другими героями пьесы. Они выбирают прекрасную игрушку, борясь не за любовь героини, а за возможность получить исключительную женщину только ради собственного самоутверждения. Пытаясь «вылепить» из Ларисы послушную «роковую Галатею», персонажи «Бесприданницы» вовсе не стремятся понять героиню, не готовы сочувствовать ей, они видят в Ларисе лишь красивую безделушку: «*Лариса (глубоко оскорбленная)*. Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! (*С горячностью*). Наконец слово для меня найдено, вы нашли его» [4, с. 308].

Архетип Лилит отражает те стороны женского начала, которые не актуализированы в образе Девы, олицетворяет женскую красоту, чувственность, эротическую привлекательность. Герои пьесы видят в Ларисе начала Лилит, но в первую очередь те черты, которые актуализированы в их собственном сознании, – характерные для восприятия Лилит в качестве искусительницы, блудницы. Вожеватов предлагает Ларисе быть содержанкой: «...Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? (*Лариса отрицательно качает головой*). И полное обеспечение на всю жизнь?» [4, с. 306]. Никто не способен или не желает видеть в героине Небесную Деву с ее высотой и чистотой нравственных идеалов. Умирая, Лариса возвращается к

своему истинному «я», и в финале пьесы перед нами в архетипическом плане Дева, приносящая себя в жертву: «Уже находясь по ту сторону мирского бытия, она ощущает нахлынувшее на нее чувство всепоглощающей любви, которую так долго искала и не находила» [1]. Г.М. Ибатуллина отмечает, что гибель героини в изображении драматурга – «путь к вечности, поскольку несет ... освобождение от пут несовершенной земной реальности; более того, смерть ... становится и парадоксальным утверждением истинной ценности Любви: ведь именно из-за любви и ради любви» она готова на любые жертвы, поэтому отказывается «от всех компромиссов, в которых привычно существует бо́льшая часть человечества» [2, с. 76].

Следует сказать, что структура образа Ларисы Огудаловой не исчерпывается обозначенными здесь двумя архетипами, она более сложна и диалогична. Так, в уже цитированной работе Г.М. Ибатуллиной [2] исследуется архетип Психеи в образно-смысловых парадигмах героинь Островского, в том числе и героини «Бесприданницы». Мифологические первообразы живут в парадигме образа Ларисы в отношениях художественной рефлексии (см. об этом: [1]), диалогических взаимоотражений и друг с другом, и с реалистически воссозданными чертами женских характеров современной драматургу эпохи.

Литература:

1. Ибатуллина Г.М. Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX веков. Дисс. ... д. филол. н. Ижевск, 2015. 564 с.
2. Ибатуллина Г.М. Архетип Психеи в художественном мире А.Н. Островского // Проблемы научной мысли. 2018. Т.1. № 2. С. 74-77.
3. Кислова Л.С. «Провинциальная Кармен»: Традиции А.Н. Островского в пьесе Л. Разумовской «Майя» // Вестник Тюменского гос. университета. 2011. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/provintsalnaya-karmen-traditsii-a-n-ostrovskogo-v-piese-l-razumovskoy-mayya>
4. Островский А.Н. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мир книги, 2002. 480 с.